

DOI:10.19181/population.2021.24.2.3

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ФИНАНСОВОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЯН: РОЛЬ АРХЕТИПОВ И СОВРЕМЕННОГО КОНТЕКСТА¹

Александрова О. А.^{1,2}

¹ Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)

E-mail: a762rab@mail.ru

Финансирование:

Статья подготовлена по результатам исследования «Финансово-экономическая культура как параметр экономической системы: методы исследования и критерии оценок», выполненного за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (ВТК-ГЗ-ПИ-32-21).

Для цитирования:

Александрова О. А. Экономическая культура как фактор финансового поведения россиян: роль архетипов и современного контекста // Народонаселение. – 2021. – Т. 24. – № 2. – С. 29-40. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.3.

Аннотация. В России, как и во многих странах, государство проявляет внимание к теме финансовой грамотности населения, что связано, с одной стороны, с присущей современной мировой экономике экспансией финансового рынка, вовлекающего в свою орбиту обычных людей, а с другой — со сворачиванием социального государства и переориентацией граждан на самостоятельное финансирование своих потребностей в пенсионном обеспечении, медицинской помощи, образовании. В процессе такого подталкивания граждан к превращению в инвесторов, заемщиков, участников накопительных пенсионных схем не учитывается специфика экономической культуры населения, притом, что многие наблюдаемые явления, такие как низкий уровень финансовой грамотности и массовое недоверие финансовым институтам, обусловлено именно ею. В статье представлен анализ характерных для россиян некоторых культурных архетипов и паттернов поведения, влияющих на экономическую культуру; проведено их соотнесение с интересующими государство моделями поведения населения; рассмотрено воздействие на сложившуюся экономическую культуру текущего социально-экономического контекста. Показано, что природно-климатические, геополитические и религиозные факторы сформировали у населения специфическое отношение к накоплениям, своей и чужой собственности, горизонтам планирования, контрактным обязательствам, разделению общи и индивидуальной ответственности, финансовой дисциплине, государственным и коммерческим институтам, межличностным отношениям. При этом проблема состоит в том, что именно социально-экономическая политика, которую проводит государство, события экономической жизни последнего тридцатилетия выступают как факторы воспроизводства и закрепления сформировавшихся негативных культурных архетипов и паттернов поведения, а не их продуктивного преобразования.

Ключевые слова: экономическая культура, финансовое поведение, финансовая грамотность, культурные архетипы, паттерны поведения, воспроизводство, социально-экономическая политика.

© Александрова О. А., 2021

¹ В данном случае имеется в виду социально-экономический контекст последних тридцати лет, под которым понимаются значимые с точки зрения влияния на экономическое поведение и культуру населения события, начиная с момента начала перехода к рынку.

Введение

С некоторых пор во многих странах мира, включая Россию, наблюдается внимание структур государственного управления к теме финансовой грамотности населения — принимаются национальные стратегии по ее повышению², на межгосударственном уровне анализируется опыт их реализации и издаются соответствующие рекомендации. Частично причины наблюдаемой активности лежат на поверхности: процесс финансовализации экономики [1] с присущей ему экспансией финансового рынка и появлением новых финансовых инструментов, наряду со стремительной цифровизацией, в том числе, финансовой сферы, все больше вовлекает в ее орбиту обычных граждан. И с точки зрения государства было бы разумно с помощью финансового просвещения сделать взаимодействие населения с финансовыми институтами более безопасным. Но есть и другие причины, в частности, некоторые зарубежные авторы видят в нынешнем акценте на финансовой грамотности неолиберальный ответ на продолжающийся мировой финансовый кризис. Неолиберальный характер ему придает установка на необходимость сокращения социальных расходов, что, по сути, означает, перенос бремени финансирования того, что раньше брало на себя государство, на плечи обычных граждан, притом, что перспектив расширения возможностей для занятости и роста заработной платы не просматривается. В этой ситуации повышение финансовой грамотности видится адептам соответствующей политики способом, позволяющим людям в индивидуальном порядке, не рассчитывая на общественные ресурсы, финансировать свои потребности в пенсионном обеспечении, медицинской помощи, образовании [2].

В России длительное снижение реаль-

² В России таким документом является «Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017-2023 годы» // Правительство России: [сайт]. — URL: <http://static.government.ru/media/files/uQZdLRrkPLAdEVdaBsQrk505szCcl4PA.pdf> (дата обращения: 25.10.2020).

ных располагаемых доходов населения с одновременной существенной коммерциализацией социальной сферы и в целом заметным ростом стоимости жизни также вынуждают граждан задумываться о дополнительных источниках доходов и не использовавшихся ранее способах решения жизненно важных проблем. И, действуя в рамках неолиберальной парадигмы, государство разными способами подталкивает граждан к превращению в акторов финансового рынка — инвесторов, заемщиков, участников накопительных пенсионных схем и так далее [3]. При этом обнаруживается, во-первых, низкий уровень финансовой грамотности³, который осознается и самим населением⁴; во-вторых, массовое недоверие финансовым институтам [4].

Короткий опыт проживания в условиях рынка предполагает необходимость учета культурных факторов при объяснении и прогнозировании доминирующих моделей поведения населения в финансово-экономической сфере. Не случайно, как отмечает П. Димаджио, слово «культура» чаще используется применительно к менее экономически развитым странам, чем к сформировавшимся рыночным обществам [5]. И, кстати в докладе о совершенствовании национальных стратегий финансового просвещения России (совместная публикация G20 и ОЭСР) говорилось о проблемах, во многом детерминированных именно культурой: низкий уровень финансовой дисциплины, короткий горизонт финансового планирования, низкий уровень доверия финансовым институтам, неверие в торжество правосудия и так далее⁵.

³ Проведение исследования измерения уровня финансовой грамотности (в рамках Контракта FEFLP/QCBS-1.3): Итоговый отчет. — Москва: 2017. — 52 с. // Министерство финансов России: [сайт]. — URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=118908-issledovanie_izmereniya_urovnya_finansovoi_gramotnosti (дата обращения: 06.11.2019).

⁴ 44% россиян испытывают потребность в повышении финансовой грамотности // НАФИ: Аналитический центр: [сайт]. — URL: <https://nafif.ru/analytics/44-rossiyan-ispytyvayut-potrebnost-v-povyshenii-finansovoy-gramotnosti/> (дата обращения: 02.11.2019).

⁵ Совершенствование национальных стратегий финансового образования: совместная публикация председа-

Описание исследования и методология

В ходе выполнения исследования был проанализирован большой объем разнообразной информации: во-первых, данные проведенных в России и за рубежом исследований финансовой грамотности населения; во-вторых, связанные с финансовым просвещением документы стратегического характера, а также методики и рекомендации по его повышению, издаваемые международными организациями; в-третьих, научные труды, посвященные исследованию национального культурного архетипа [6], проявлению культурной традиции в деловой [7] и финансовой сферах [8]. В последнем случае отправными пунктами для анализа были следующие положения:

1. Механизм влияния культуры на поведение состоит в том, что она позволяет индивидам и общностям сформировать универсальные реакции на многообразные феноменологические проявления реальности и выстроить унифицированные алгоритмы действий. При этом культурные нормы, сложившиеся на основе полученных знаний, формируют менее унифицированное поведение. Наибольшая же степень унификации формируется благодаря воздействию культурного архетипа: именно он, согласно М. Веберу, создает одни из самых стабильных границ экономического выбора. Как писал В. Ключевский, «факты, имевшие место в связи с конкретной исторической ситуацией, не умирают вместе с жившими в то время людьми, но «переходят по наследству, и в этом переходе даже перерождаются: из фактов, часто вызванных временною необходимостью, превращаются в привычки, в предание, действующее, даже когда минует эта временная необходимость.» [9]. При этом сложившиеся архетипы могут как способствовать, так и препятствовать экономическому развитию.

2. Влияние экономической культу-

тельства Российской Федерации в «Группе двадцати» и ОЭСР // OECD: [сайт]. – URL: http://www.ippk.arkh-edu.ru/web_community/financial/1.%20G20_OECD_final%20RU.pdf (дата обращения: 01.06.2019).

ры проявляется по двум направлениям: сформированные культурой установки, с одной стороны, определяют цель деятельности, а с другой — обозначают средства ее достижения. Тем самым культура ограничивает варианты выбора индивида, задает траекторию его социального действия, диапазон социальных отношений. Важным эффектом воздействия культуры является формирование поведения, повторяющегося и во времени (в разные периоды жизни одного и того же индивида), и в социальном пространстве (одни и те же модели поведения характерны для различных индивидов). При этом требуется актуализация индивидом культурных норм, в том числе осуществление внутреннего процесса их легитимации.

3. Применительно к экономической деятельности культурные традиции дифференцируют общественные системы по превалированию в них тех или иных установок и действий: по ориентации на интуитивные или рациональные основания принятия экономических решений; на тот или иной горизонт планирования; на формальный или неформальный характер договорных отношений; на индивидуалистические или коллективистские мотивы экономической деятельности.

С учетом этого, в рамках исследования представлялось важным выяснить, во-первых, какие архетипы и поведенческие паттерны, касающиеся экономической культуры, характерны для российского населения. Во-вторых, как они соотносятся с теми вопросами, которые интересуют инициаторов повышения финансовой грамотности и предполагают формирование у населения моделей поведения, связанных с: а) долгосрочным финансовым планированием, что обусловлено усилением акцента на частном (индивидуальном) пенсионном накоплении; б) со сферой заимствований, что обусловлено акцентом на привлечении гражданами кредита в качестве решения жизненно важных проблем (приобретения жилья, получения образования и других), а также на развитии потребительского креди-

тования как средства поддержки производителей товаров и ритейла; в) с инвестированием, что обусловлено нацеленностью на развитие финансового рынка и, кроме того, декларируется как способ повышения благосостояния граждан; г) со сбережениями, что обусловлено желанием сформировать у граждан установку на создание «подушки безопасности» (все более значимой в условиях, когда государство постепенно освобождается от функции социальной защиты граждан), а также стремлением привлечь средства граждан на банковские депозиты. И, в-третьих, какое воздействие на имеющиеся архетипы и паттерны экономической культуры оказывает текущая ситуация — воспроизводит и закрепляет их или содействует трансформации в продуктивном направлении.

Степень разработанности проблемы

Подробный обзор подходов к пониманию экономической культуры и ее влияния на хозяйственные отношения дает П. Димаджо [5]. Представители «старой» институциональной школы осознают важность привычек, обычаев и традиций. Неоклассики же их игнорируют, притом, что, как замечал Н. Смелзер, идея рационального выбора по сути своей является идеей культуры, сколь бы не артикулированной она ни была. В лучшем случае неоклассики признают регулятивное значение культуры, но не конституирующее. Те авторы, кто исходит из взаимной обусловленности культуры и экономического поведения, склонны придерживаться конституирующей парадигмы (культура воздействует на то, как акторы определяют свои интересы). Те же исследователи, которые фокусируются на том, каким образом нормы и конвенции ограничивают преследование эгоистических интересов, придерживаются регулятивной парадигмы (Дж. Коулман). Некоторые авторы рассматривают культуру в иерархическом ключе — культурные формы, считающиеся само собой разумеющимися, образуют фундамент

для более сознательно конструируемых форм (предпочтений, установок, мнений). Т. Парсонс и Э. Шилз выделяют когнитивный, экспрессивный и оценочный аспекты культуры. Иногда культура трактуется очень широко, например, как «передача от одного поколения другому знаний, ценностей и прочих факторов, влияющих на поведение» (Д. Норт); иногда узко, например, как некая социальная обусловленность, позволяющая индивидам функционировать в рамках фирмы (О. Уильямсон). По мнению П. Димаджо, экономические отношения всегда имеют некую нередуцируемую «культурную» составляющую (рутинные практики, нормы, ценности, ритуалы и другое). Кроме того, культура играет значимую роль «в формировании доверия, столь важного для поддержания рыночных систем» [5].

Что касается трактовки экономической культуры российскими обществоведами, то Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина, обращавшиеся к этой теме в начальный период перехода к рынку, делали акцент на её роли (совокупности социальных ценностей и норм, регулирующих экономическое поведение) как социальной памяти, «способствующей или мешающей трансляции, отбору и обновлению ценностей, норм и потребностей, функционирующих в сфере экономики и ориентирующих ее субъектов на те или иные формы экономической активности» [10]. Говоря о дефиците соответствующей рыночным реалиям экономической культуры, Р.В. Рывкина подчеркивала, что под ним «логично понимать не только отсутствие в сознании людей каких-то остро необходимых знаний, умений, стереотипов поведения, но, одновременно, и наличие других знаний и опыта, которые остались от прошлого, и в изменившейся обстановке не только не работают, но и мешают выработке у личности новых, рыночных моделей поведения». При этом подчеркивалось, что «под экономической культурой логично понимать совокупность таких моделей экономического поведения, которые ... совершаются людьми привычно, как бы автоматически» [11].

Другой обществовед Я.И. Кузьминов тогда же указывал на адаптационную природу культуры: «Экономическую культуру можно определить как совокупность институционализированных способов деятельности, которыми конкретные общества, группы и индивиды адаптируются к экономическим условиям своего существования. Она состоит из поведенческих стереотипов и экономических знаний (в их ценностном и инструментальном аспектах)» [12]. Ю.А. Левада, следуя традиции М. Вебера, ключевой характеристикой экономического действия считал рациональность, которую он рассматривал как социальный конструкт (а не природный, «естественный» феномен), возникающий в определенном культурном контексте, и определял культуру как систему значений, приобретающих смысл в процессе их использования [13]. В более поздних исследованиях отечественных авторов акцент делается на двуедином процессе сохранения и воспроизводства культурных ценностей [14]. Указывается на то, что «экономическая культура является долговременной, исторически сложившейся, передаваемой из поколения в поколение устойчивой системой социокультурных ценностей, представлений, установок, стандартов и образцов, неписаных законов поведения индивидов и групп ..., связанной с реализацией потребности получения средств к существованию» [15]; подчеркивается «формирование прошлым экономическим опытом определенного состояния экономического сознания (и экономического мышления как формы его проявления) общества, социального слоя, социальной группы, воплощающих это состояние в определенной экономической деятельности (экономическом поведении)» [16].

Определяя экономическую культуру как «социальную память общества, представляющую собой совокупность ценностей и норм, являющихся регуляторами экономического поведения людей», О.Ю. Янбулатова указывает на выполняемые экономической культурой системные

функции: 1) трансляции во времени, от поколения к поколению, ценностей, норм, предпочтений, мотивов экономического поведения; 2) селекции из унаследованных культурных кодов тех, что подходят для решения текущих задач в экономической сфере; 3) инновационного развития социальных ценностей и норм путем выработки новых эталонов и заимствования прогрессивных культурных норм из других культур. При этом подчеркивается характер формирования экономической культуры под воздействием трех групп факторов: экономических (условия экономической деятельности и уровень развития экономики); историко-культурных и образовательных (обучение, воспитание, воздействие СМИ) [17].

Результаты исследования

Проведенный анализ показал, что культурные архетипы и паттерны, формирующие экономическое поведение населения России, складывались под воздействием, прежде всего, природно-климатических, геополитических и религиозных факторов. Так, хозяйствование в зоне рискованного земледелия затрудняло основной массе населения наживать имущество: «даже при условии тяжкого, надрывного и спешного труда в весенне-летний период селянин чаще всего не мог иметь почти никаких гарантий хорошего урожая» [18]. В свое время В.О. Ключевский обращал внимание на то, что «природа страны много поработала и над этим строем, и над этим характером», в частности, содержащая множество опасностей природа и соседство с воинственными кочевыми племенами развивали в народе наблюдательность и изворотливость, «приучали его выходить на прямую дорогу окольными путями» [19]. Преодоление порождаемых суровым климатом проблем требовало совместного хозяйствования, препятствовавшего личному накоплению, другим препятствием ему служили частые пожары.

Риски потери имущества были связаны и с геополитическими факторами.

А.П. Прохоров отмечает особенно разрушительный характер войн с кочевыми племенами: в отличие от войн с оседлыми народами, прекращающимися при резком падении численности необходимых для сельскохозяйственных работ мужчин, война с кочевыми племенами — практически перманентная, поскольку здесь потери компенсируются захватом чужого имущества. Именно в годы борьбы с таким врагом формировался мобилизационный характер государства, которое, в свою очередь, стало источником рисков: введение разорительных податей, порча монеты, бесконтрольный выпуск бумажных денег, расквартирование по всей стране армии и так далее. Помимо мобилизации средств на военные нужды, препятствием накоплению богатства «было лихоимство властей, поборы и прямые изъятия имущества представителями государства. Всякий хоть сколько-нибудь приподнявшийся над средним уровнем нищеты сразу становился объектом вымогательства и даже прямого грабежа» [7].

Что касается религиозного фактора, то, как пишет Н. Рулан, христианская мысль эволюционировала до признания внешним авторитетом государства, как силы, стремящейся к усовершенствованию мира, в результате социум стремился переложить на него свою ответственность [20]. Православие, по мнению ряда исследователей, дополнительно закрепляло в народе ожидание чуда, ориентацию на харизматического лидера, оно отчасти формировало отрицательное отношение к накопительству. Последнее связано с отмеченным Н. Бердяевым сосредоточением восточно-христианской культуры на эсхатологии: когда земная жизнь — лишь эпизод, возникает пренебрежение к земным благам. Способ привнесения на Русь православия синтезировал его с языческой мифологией и практикой на уровне бытовых привычек и понятий. Не случайно, по данным ряда исследователей, христианское население России так чтит Николая-Чудотворца, в котором, как предполагается, отразился языческий культ Ве-

леса [21].

Естественно, что, во-первых, культурные архетипы и соответствующие им паттерны поведения исторически объяснимы, в том числе, природно-климатическими, геополитическими, религиозными и иными факторами. Во-вторых, в ходе истории сложились положительные и негативные архетипы (стереотипы), которые с долей условности можно назвать способствующими или препятствующими экономическому развитию. С долей условности т.к. один и тот же архетип может интерпретироваться, оцениваться для различных социально-экономических систем или периодов исторического развития не столь однозначно. Также остаётся открытым вопрос правомочности, обоснованности приписывания того или иного культурного архетипа конкретному народу, этносу. В ограниченных рамках статьи сосредоточимся на негативных культурных экономических архетипах и паттернах финансового поведения россиян. К ним обычно относят [7]:

- чувство экономической нестабильности, постоянной угрозы разорения;
- представление о том, что богатство — вещь преходящая, которую вряд ли удастся передать следующим поколениям, чему, кроме прочего, способствовал и основной механизм обогащения в виде перераспределения средств в периоды социально-экономической нестабильности;
- неуважение к чужой собственности: в условиях, когда многочисленные низы полагают, что богатства получены «неправедным» путем, а механизмы снижения неравенства отсутствуют, увеличивается риск того или иного «изъятия» (пожар, грабёж и другое);
- отсутствие культуры проживания в состоянии богатства у людей неаристократического происхождения (склонность «блажить, сорить деньгами»), в среде аристократии неподобающей считалась «мещанская бережливость»;
- привычка приbedняться у зажиточных людей, во-первых, из-за уравнилельных установок окружающих; во-вторых,

боязни привлечь к себе «нездоровый» интерес власть имущих и криминалитета;

- демотивация упорного труда в силу неодобрения накопительства, представлений о преходящем характере богатства, а также перераспределения ресурсов независимо от трудового вклада (снисходительное отношение к ниществу; содержание за счет общины пьяниц и тунеядцев;

- склонность к неформальным отношениям в сфере денежного обращения, а также к утаиванию ресурсов и средств;

- надежда на «авось»: как писал В. О. Ключевский, «природа Великороссии часто смеялась над самыми осторожными расчетами русского человека, своенравие климата и почвы обманывали самые скромные его ожидания, и, привыкнув к этим обманам, расчетливый великоросс любил подчас, очертя голову, выбрать самое что ни на есть нерасчетливое решение. Так в культурном архетипе русского человека появились «авось» — наклонность дразнить удачу и счастье» [19];

- преобладание интуитивизма над рационализмом, связанное с невозможностью что-либо планировать; преобладание наглядно-образного и наглядно-действенного, а не вербально-логического мышления;

- склонность к патернализму: отмечается одновременно и присущая населению склонность к анархии, отталкиванию от государства, и, в то же время, фетишизация государственной власти, что, в том числе, связано с тем, что «самодержавная власть, хотя и охраняла крепостное право, тем не менее, желала выглядеть силой, пекущейся о народе» [22];

- избегание индивидуальной ответственности: входящий в культурный архетип приоритет «общего» над «своим», стремление «быть как все» связаны не только с общественным принуждением, но и с неготовностью принять на себя ответственность в условиях индивидуальной свободы; перенесение ответственности на государство создает ощущение определенной безопасности, стабильности;

- коррумпированность системы власти и правосудия: так, по словам В. О. Ключевского, нет оснований «считать преувеличенными отзывы иностранцев... о том, что судьи открыто торговали своими приговорами, что не было преступления, которое не могло бы при помощи денег ускользнуть от наказания» [19];

- ориентация на сиюминутную выгоду, готовность к мошенничеству в деловых отношениях: «изошренность в нейтрализации системы и несоблюдении требований законодательства имеет неизбежным следствием невероятный размах обмана, надувательства во всех сферах» [7]. Такой, казалось бы, близорукий подход к деловой репутации обусловлен непостоянством системы управления, не позволяющим уловить долгосрочные ориентиры;

- низкий уровень межличностного доверия: в рамках контрактных отношений радиус доверия ограничивается уровнем семьи или неформальных деловых сетей со своими нормами и санкциями; при этом «взаимная обязательность внутри деловых сетей служит в первую очередь целям успешного обмана государства и контрагентов, находящихся за пределами данной деловой сети» [7].

Воспроизводство архетипов в современном социально-экономическом контексте

Проведенный анализ говорит о том, что сформировавшийся под влиянием внешних фундаментальных факторов ряд культурных экономических архетипов и паттернов финансового поведения далёк от искомым идеалов. При этом текущий социально-экономический контекст выступает как фактор воспроизводства и закрепления сформировавшихся именно этих архетипов и паттернов, а не их продуктивного преобразования. В частности, это подтверждается следующими обстоятельствами.

1. Неоднократное обесценивание накоплений: катастрофическое обесценивание сбережений населения в январе 1992 г.;

«черный вторник» 1994 г.; дефолт 1998 г.; двукратная девальвация рубля в 2014 г.; заметное снижение курса рубля в феврале-марте 2020 года. Отсюда подтверждаемый, в том числе и нашими исследованиями, чрезвычайно короткий горизонт планирования как у индивидов/домохозяйств [23], так и у хозяйствующих субъектов [24].

2. Постоянное изменение «правил игры» по ходу «игры», например, в системе пенсионного обеспечения: замораживание обязательной накопительной части пенсии, бесконечное изменение правил расчета пенсии, внезапное повышение пенсионного возраста.

3. Нелегитимный, с точки зрения общества, характер присвоения узкой группой лиц наиболее ценных объектов бывшей государственной собственности при отказе государства от пересмотра итогов приватизации; в целом запутанность отношений собственности, непрозрачность реальных владельцев контрольных пакетов, оппортунизм инсайдеров, бесправие миноритарных акционеров.

4. Завышенные (в силу высокого уровня неравенства, агрессивной рекламы) потребительские стандарты, провоцирующие население, включая его бедные слои, на непосильное демонстративное потребление и, как следствие, попадание в кредитную кабалу.

5. Формирование силами государственной пропаганды в контексте решения социально-политических задач патерналистских ожиданий в отношении государства (особенно, Президента и глав администраций субъектов Российской Федерации).

6. Многочисленные случаи введения финансовыми организациями граждан в заблуждение (например, когда стоимость кредита оказывается гораздо выше, чем предполагал заемщик) или прямого нарушения своих договорных обязательств (например, когда банк скрывает от вкладчиков свою финансовую несостоятельность, или не ведет надлежащий учет депозитов, или не возвращает владельцу вклада его деньги под предлогом

сомнений в легитимности средств) при невозможности добиться справедливое решения в суде. И на этом фоне происходит декриминализация статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в части мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств, притом, что подобная либерализация законодательства в интересах лиц, совершающих экономические преступления и мошенничество, дополнительно усугубляет и без того несимметричные отношения граждан и коммерческих структур.

Выводы

Финансово грамотное и ответственное поведение населения детерминируется рядом взаимодействующих факторов, среди которых, прежде всего, уровень доходов и доверие. Последнее, как и ряд других проявлений культурной экономической традиции (горизонт планирования, финансовая дисциплина и другие), имеет отношение к национальной идентичности (отсюда — введенное нобелевским лауреатом по экономике Дж. Акерлофом понятие экономики идентичности). Представляется, что в условиях отсутствия у значительной части россиян свободных финансовых средств, а также доверия к финансовым институтам, социально-экономический контекст последнего тридцатилетия закрепляет имеющиеся в культурной экономической традиции негативные стереотипы и установки. В таких условиях обучение населения финансовой грамотности может принести весьма ограниченную пользу⁶.

⁶ Подробнее о концептуальных подходах к повышению эффективности финансового просвещения населения см. Александрова О. А., Аликперова Н. В., Виноградова К. В., Ненахова Ю. С. Концептуальные подходы к формированию предпосылок для эффективного финансового просвещения населения России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13. – № 4. – С. 169–185.

Литература и Интернет-источники

1. **Оцич, Ч.** Финансиализация и современные экономические кризисы // Ч. Оцич, Р. Буквич // КиберЛенинка: [сайт].— URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansializatsiya-i-sovremennye-ekonomicheskie-krizisy> (дата обращения: 25.03.2021).
2. **Arthur, Ch.** Financial Literacy Education, Neoliberalism, the Consumer and the Citizen / Ch. Arthur // ResearchGate: [сайт].— URL: <https://www.researchgate.net/publication/271206480> (дата обращения: 15.02.2021).
3. **Александрова, О. А.** Акцентуация на финансовой грамотности: забота о населении или элемент неолиберальной социальной политики? / О. А. Александрова // Доходы, расходы и благосостояние населения России: тенденции и перспективы. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции (Москва, 3 декабря 2019 г.) / под науч. ред. А. В. Ярашевой, О. А. Александровой, Н. В. Аликперовой ; технич. ред. К. В. Виноградова.— Москва : ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2020.— 298 с. ISBN 978-5-4465-2663-5.
4. **Моисеева, Д. В.** Финансовая грамотность населения российского региона: экономико-социологический анализ. Дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.03 / Моисеева Дарья Викторовна.— Волгоград: 2017.— 200 с.
5. **Di Maggio, P.** Culture and Economy/ P. DiMaggio// N. Smelser, R. Swedberg (eds.). The Handbook of Economic Sociology.— Princeton: Princeton University Press, 1994.— 752 p.
6. **Вьюнов, Ю. А.** Русский культурный архетип / Ю. А. Вьюнов.— Москва : Флинта, 2017—480 с. ISBN 978-5-89349-709-0.
7. **Прохоров, А. П.** Русская модель управления. 4-е изд. / А. П. Прохоров.— Москва : Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2017.— 496 с. ISBN 978-5-98062-097-4.
8. **Ключников, И. К.** Кредитная культура: сущность, закономерности, формы / И. К. Ключников, О. А. Молчанова.— Санкт-Петербург : 2011.— 221 с.
9. **Хромова, Е. Б.** Из истории становления исторической антропологии в России: вклад истории ментальностей / Е. Б. Хромова // Историческая и социально-образовательная мысль.— 2018.— Т. 10.— № 5/1.— С. 53–61. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-53-61.
10. **Заславская, Т. И.** Социология экономической жизни: очерки теории / Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина ; отв. ред. А. Г. Аганбегян.— Новосибирск : Наука, 1991.— С. 111–112.
11. **Рывкина, Р. В.** Экономическая культура в России: трудности и этапы становления / Р. В. Рывкина // КиберЛенинка: [сайт].— URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-kultura-v-rossii-trudnosti-i-etapy-stanovleniya> (дата обращения: 01.06.2019).
12. **Кузьминов, Я. И.** Теоретическая экономическая культура в современной России / Я. И. Кузьминов // Экономика. Социология. Менеджмент: [сайт].— URL: http://ecsocman.hse.ru/data/048/386/1217/002_Kuzminov.pdf (дата обращения: 01.06.2019).
13. **Левада, Ю. А.** Время перемен: предмет и позиция исследователя / Ю. А. Левада.— Москва : Новое литературное обозрение, 2016.— 872 с.
14. **Авакян, А. А.** Экономическая культура как регулятор экономического поведения / А. А. Авакян // Теория и практика общественного развития.— 2013.— № 1.— С. 59–61.
15. **Борисова, Л. Г.** Неформальный сектор: экономическое поведение детей и взрослых / Л. Г. Борисова, Г. С. Солодова, О. П. Фадеева, И. И. Харченко.— Новосибирск : Новосибирский гос. ун-т, 2001—183 с.
16. **Соколова, Г. Н.** Экономическая социология: Учеб. для вузов / Г. Н. Соколова.— Минск : Высшая школа, 1998.— 368 с.
17. **Янбулатова, О. Ю.** Экономическая культура как фактор социально-экономического развития. Дис. ... канд. эк. наук: 08.00.01 / Янбулатова Ольга Юрьевна.— Кострома : 2000.— 101 с.
18. **Милов, Л. В.** Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства / Л. В. Милов // Общественные науки и современность.— 1995.— № 1.— С. 77–78.
19. **Ключевский, В. О.** Курс русской истории / В. О. Ключевский.— URL: <http://www.spssl.nsc.ru/history/kluch/kluch17.htm> (дата обращения: 10.03.2021).

20. **Рулан, Н.** Юридическая антропология. Учебник для вузов / Н. Рулан. — Москва : Издательство НОРМА, 2000. — 310 с.
21. **Успенский, Б. А.** Филологические разыскания в области славянских древностей / Б. А. Успенский. — Москва: Изд-во Московского ун-та, 1982. — 248 с.
22. **Шулындин, Б. П.** Российский менталитет в сценариях перемен / Б. П. Шулындин // Социс. — 1999. — № 12. — С. 50–53.
23. Инвестиционно-сберегательные стратегии высокодоходных групп населения / под ред. О. А. Александровой, А. В. Ярашевой. — Москва : Экон-Информ, 2016. — 158 с. ISBN 978–5–9908112–3–2.
24. **Александрова, О. А.** Проблемы долгосрочного планирования кадровых потребностей приоритетных отраслей экономики / О. А. Александрова // Экономическое возрождение России. — 2019. — № 1. — С. 53–57.

Сведения об авторе:

Александрова Ольга Аркадьевна, д.э.н., зам. директора по научной работе, Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, профессор Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: a762rab@mail.ru; ORCID: 0000–0002–9243–9242; Researcher ID Web of Science: B-1306–2017; Scopus Author ID: 22733740600; РИНЦ Author ID: 257224.

DOI:10.19181/population.2021.24.2.3

ECONOMIC CULTURE AS A FACTOR IN THE FINANCIAL BEHAVIOR OF RUSSIANS: THE ROLE OF ARCHETYPES AND MODERN CONTEXT

Olga A. Aleksandrova^{1,2}

¹*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of
Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russian Federation, 117218*

²*Financial University under the Government of the Russian Federation.
(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russian Federation, 125993)*

E-mail: a762rab@mail.ru

Funding:

The study was carried out within the framework of the research work «Financial and economic culture as a parameter of the economic system: research methods and evaluation criteria» of the Financial University under the Government of the Russian Federation (VTK-GZ-PI-32–21).

For citation:

Aleksandrova O.A. Economic culture as a factor in the financial behavior of Russians: the role of archetypes and modern context. *Narodonaselenie*. [Population]. 2021. Vol. 24. No. 2. P. 29–40. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.3. (in Russ.)

Abstract. *In Russia, as in many countries, the state is showing increased attention to the topic of financial literacy of the population, which is connected, on the one hand, with the expansion of the financial market inherent in the modern world economy, involving ordinary people in its orbit, and, on the other hand, with the curtail of the welfare state, and the reorientation of citizens to self-financing*

their needs for pensions, medical care, education, etc. In the process of such pushing up people to become investors, borrowers, participants of funded pension schemes, the specific character of the economic culture of the population is not taken into account, while many observed phenomena, such as low level of financial literacy and massive distrust of financial institutions, are due exactly to it. The article presents analysis of the cultural archetypes and patterns of behavior characteristic of the Russians that make up the economic culture; they were correlated with the models of behavior of the population of interest to the state; the impact on the existing economic culture of the current socio-economic context is considered. It is shown that the natural-climatic, geographic, geopolitical and religious factors have shaped Russians' specific attitude towards savings, their own and other people's property, planning horizons, contractual obligations, separation of common and individual responsibility, financial discipline, work ethics, state and commercial institutions, interpersonal relationships, etc., which is far from that sought by the state. Meanwhile, the problem is that it is the socio-economic policy pursued by the state, the events of the economic life of the past thirty years that act as the factors of reproduction and consolidation of the formed cultural archetypes and patterns of behavior, but not their productive transformation.

Keywords: economic culture, financial behavior, financial literacy, cultural archetypes, patterns of behavior, reproduction, socio-economic policy.

References and Internet sources

1. Otsich Ch., Bukvich R. Finansializatsiya i sovremennyye ekonomicheskiye krizisy [Financialization and modern economic crises]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansializatsiya-i-sovremennyye-ekonomicheskie-krizisy> (Accessed: 25 March 2021). (in Russ.)
2. Arthur Ch. *Financial Literacy Education, Neoliberalism, the Consumer and the Citizen*. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/271206480> (Accessed: 15 February 2021)
3. Aleksandrova O.A. Aktsentuatsiya na finansovoy gramotnosti: zabota o naselenii ili element neoliberal'noy sotsial'noy politiki? [Accentuation on financial literacy: caring for the population or an element of the neoliberal social policy?] Dokhody, raskhody i sberezheniya naseleniya Rossii: tendentsii i perspektivy [*Incomes, Expenditures and Savings of the Russian population: Trends and Prospects*]. Proceedings of the V International Research and Practical Conference (Moscow, 3 December 2019). Moscow. ISEPN FNISTS RAN [Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS]. 2020. 298 p. (in Russ.)
4. Moiseeva D. V. Finansovaya gramotnost' naseleniya rossiyskogo regiona: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz [Financial literacy of the population of the Russian region: economic and sociological analysis]. Cand. Dissertation. Volgograd. 2017 (in Russ.)
5. DiMaggio P. *Culture and Economy*. N. Smelser, R. Swedberg (eds.). The Handbook of Economic Sociology. Princeton. Princeton University Press. 1994. 752 p.
6. Vyunov Yu.A. Russkiy kul'turnyy arkhetyp [*Russian Cultural Archetype*]. Moscow. Flinta. 2017. 480 p. (in Russ.)
7. Prokhorov A. P. Russkaya model' upravleniya [*Russian Model of Management*]. 4th ed. Moscow. Izd-vo Studii Artemiya Lebedeva [Publishing house of Art. Lebedev Studio]. 2017. 496 p. (in Russ.)
8. Klyuchnikov I. K., Molchanova O. A. Kreditnaya kul'tura: sushchnost', zakonomernosti, formy [*Credit Culture: Essence, Patterns, Forms*]. Sankt-Petersburg. 2011. 221 p. (in Russ.)
9. Khromova E. B. Iz istorii stanovleniya istoricheskoy antropologii v Rossii: vklad istorii mental'nostey [From the history of the formation of historical anthropology in Russia: contribution of the history of mentalities]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' [*Historical and Social-Educational Idea*]. 2018. Vol.10. No. 5/1. P. 53–61. (in Russ.)
10. Zaslavskaya T. I., Ryvkina R. V. Sotsiologiya ekonomicheskoy zhizni: ocherki teorii [*Sociology of Economic Life: Essays on Theory*]. Ed. A. G. Aganbegyan. Novosibirsk. Nauka [Science]. 1991. (in Russ.)
11. Ryvkina R. V. Ekonomicheskaya kul'tura v Rossii: trudnosti i etapy stanovleniya [Economic culture in Russia: difficulties and stages of formation]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-kultura-v-rossii-trudnosti-i-etapy-stanovleniya> (Accessed: 01 June 2019). (in Russ.)

12. Kuzminov Ya. I. Teoreticheskaya ekonomicheskaya kul'tura v sovremennoy Rossii [Theoretical economic culture in modern Russia]. *Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment. [Economics. Sociology. Management]*. Available at: http://ecsocman.hse.ru/data/048/386/1217/002_Kuzminov.pdf (Accessed: 1 June 2019). (in Russ.)
13. Levada Yu. A. Vremya peremen: predmet i pozitsiya issledovatelya [*The Time of Change: Subject and Position of Researcher*]. Moscow. Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Review]. 2016. 872 p. (in Russ.)
14. Avakyan A. A. Ekonomicheskaya kul'tura kak regulyator ekonomicheskogo povedeniya [Economic culture as a regulator of economic behavior]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and Practice of Social Development]*. 2013. No. 1. P. 59–61. (in Russ.)
15. Borisova L. G., Solodova G. S., Fadeeva O. P., Kharchenko I. I. Neformal'nyy sektor: ekonomicheskoye povedeniye detey i vzroslykh [*The Informal Sector: Economic Behavior of Children and Adults*]. Novosibirsk. Novosibirskiy gos. un-t [Novosibirsk State University]. 2001. 183 p. (in Russ.)
16. Sokolova G. N. Ekonomicheskaya sotsiologiya [*Economic Sociology*]. Textbook for universities. Minsk. Vysheyshaya shkola [Higher School]. 1998. 368 p. (in Russ.)
17. Yanbulatova O. Yu. Ekonomicheskaya kul'tura kak faktor sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [Economic culture as a factor of socio-economic development]. Cand. Dissert. Kostroma. 2000. Available at: <https://www.dissercat.com/content/ekonomicheskaya-kultura-kak-faktor-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya> (Accessed: 01 June 2019). (in Russ.)
18. Milov L. V. Prirodno-klimaticheskyy faktor i mentalitet russkogo krest'yanstva [Natural and climatic factor and mentality of the Russian peasantry]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]*. 1995. No. 1. P. 77–78. (in Russ.)
19. Klyuchevskiy V. O. Kurs russkoy istorii [*Russian History Course*]. Available at: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch17.htm> (Accessed: 10 March 2021). (in Russ.)
20. Rulan N. Yuridicheskaya antropologiya [*Legal Anthropology*]. Textbook for universities. Moscow. NORMA. 2000. 310 p. (in Russ.)
21. Uspenskiy B. A. Filologicheskiye razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey [*Philological Research in the Field of Slavic Antiquities*]. Moscow. Izd-vo Moskovskogo un-ta [Publishing house of Moscow University]. 1982. 248 p. (in Russ.)
22. Shulyndin B. P. Rossiyskiy mentalitet v stsenariyakh peremen [Russian mentality in the scenarios of change]. *Sotsis [Sociological Studies]* 1999. No. 12. P. 51–53. (in Russ.)
23. Investitsionno-sberegatel'nyye strategii vysokodokhodnykh grupp naseleniya [*Investment and Saving Strategies of High-Income Groups of Population*]. Eds. O. A. Aleksandrova, A. V. Yarasheva. Moscow. Econ-Inform. 2016. (in Russ.)
24. Aleksandrova O. A. Problemy dolgosrochnogo planirovaniya kadrovyykh potrebnostey prioritnykh otrasley ekonomiki [Issues with long-term planning of HR needs in priority industries]. *Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii [Economic Revival of Russia]*. 2019. No. 1. P. 53–57. (in Russ.)

Information about the authors:

Aleksandrova Olga Arkadievna, Doctor of Economics, Deputy Director for Research, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Contact information: e-mail: a762rab@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9243-9242; Researcher ID Web of Science: B-1306-2017; Scopus Author ID: 22733740600; Elibrary Author ID: 257224.

Статья погупила в редакцию 25.03.2021, одобрена 20.05.2021, опубликована 30.06.2021.